

Антон Коньшев

16+

Неправдоподобное
происшествие
в деревне Пичугино

АНТОН КОНЫШЕВ

**Неправдоподобное происшествие
в деревне Пичугино**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Коньшев А. П.

Неправдоподобное происшествие в деревне Пичугино /
А. П. Коньшев — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Россия, начало нулевых. В обычной, ничем не примечательной среднестатистической российской деревушке Пичугино однажды душевной летней ночью произошло нечто невероятное – все жители неожиданно пробудились в двух экземплярах. То есть у каждого пичугинца откуда ни возьмись появился двойник. Кроме того, сама деревня в силу необъяснимых с позиций современной науки и доступного пичугинцам здравого смысла причин, оказалась отрезана от большой земли очнувшимся после десятилетий спячки болотом и совсем уж неправильно поведшей себя речушкой Пичугой. Как относиться к своей копии, которая думает, что это ты её копия? Как жить и где искать выход из создавшегося положения. А может быть, нужно было просто спросить об этом девочку Настю, которой очень хотелось, чтобы папа и мама всегда были рядом и не отвлекались на работу, домашние дела и прочие совершенно неважные и неинтересные вещи.

© Коньшев А. П., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Рассказывать об этом происшествии пичугинцы не любят. А если и выжмут из себя после долгих уговоров несколько слов, то выходит у них всё как-то буднично и скупо. Даже дед Аркадий, всегда готовый часами разглагольствовать о секретном космодроме инопланетянцев в местных болотах, и он, стоит затронуть тот случай, умолкнет, сощурился в сторону и прошамкает что-то наподобие: «А чего говорить-то? Ну, было. А может, и не было. Может, и померещилось. Жара ведь тогда стояла под сорок, да и выпили мы. А тёплая-то водка, она ведь...»

Глава

I

На улице было очень жарко, к тому же Элеонора пару раз упала и теперь была пыльная и грязная. Настя тяжело вздохнула, укоризненно покачала головой, совсем как мама, легонько шлёпнула куклу по пластмассовой попе и пошла в дом.

В доме мама возилась с кастрюлями.

Настя постояла немного посередине комнаты, наступила босой ногой на мокрую тряпку, валяющуюся на полу, убедилась, что лужица из тряпки получается некрасивая, и тихонько спросила:

– Мама, а можно я на речку пойду, а то... а то Элеонора вся выпачкалась?

– Так и умой её в тазике, вон на веранде, – сказала Катерина, не оборачиваясь, – а на речку нельзя. Я тебе уже сто раз говорила.

– А почему нельзя? – отлично зная ответ, всё-таки протянула Настя.

– Мала ещё одна на речку ходить.

– А пойдём вместе, – без особой, впрочем, надежды предложила девочка.

Катерина водрузила, наконец, на плиту огромную кастрюлю и вытерла лоб рукавом.

– Настя, доченька, – сказала она мягче, – ты бы мамке-то не мешалась, а? Мамке надо ещё пол помыть и для поросей сготовить. Да и отец сейчас придёт. Ну-ка, шагни-ка в сторонку, дай тряпку подыму.

Настя послушно отошла в угол комнаты, перехватила Элеонору подмышку и некоторое время смотрела, как мать ползает по полу на четвереньках.

– А когда ты со мной поиграешь? – спросила Настя, перепрыгивая на вымытое место.

– Тебе что, ребят мало? – Катерина села, переводя дыхание. – Вон с Машкой поиграйте или с Валькой.

Настя надула губки и нахмурилась.

– Не буду я с ними играть. Они над Элеонорой смеются и обзываются, – твёрдо сказала она. Потом подумала и уточнила. – Плохими словами обзываются.

На плите угрожающе зашипело, брызнуло, и крышка, подпрыгивая, виртуозно забарабанила по кастрюле.

– Ах ты, господи! – всплеснула руками Катерина и бросилась к плите.

– Мам, ну мам, ну поиграй со мной, – канючила Настя.

– Наська, отстань, некогда мне.

– Ты вчера обещала и позавчера обещала, – не отставала девочка, обнимая мамину ногу, – и потом, когда дядя Коля в колодец упал, а я плакала, ты тоже обещала, и потом...

– Наська, – строго сказала Катерина, – а ну брысь! Ишь натоптала мне тут. Сказано тебе, мамке некогда, мамка одна, на вас на всех не напасёшься. Брысь, говорю!

Девочка пустила было слезу, но, подумав, подобрала упавшую куклу и понуро побрела на двор.

Натужно протарахтев, к дому подкатил старый мотоцикл.

– Папка, папка приехал! – взвизгнула Настя и вприпрыжку побежала к калитке. – Папка, поиграй со мной!

– Погоди, доча, – сказал отец, обходя девочку, – некогда мне сейчас. Катя, там пожрать есть чего? Меня на полчаса отпустили.

Он долго, как показалось Насте, умывался прямо из бочки, отмывая грязь и пыль с рук и лица. А Настя смотрела на него и думала, сказать или не сказать, что вчера вечером видела, как в бочке утонул большой чёрный жук.

Он важно ползал по краю и уже собирался взлетать, когда порыв ветра с лёгким шлепком опрокинул его в воду.

Жук барахтался в бочке почти до темноты, перебирал всеми лапками, шевелил усами и даже пытался расправить вконец намокшие крылья. Насте очень хотелось помочь жуку, но сама она побаивалась трогать его руками, а за пластмассовые ручки Элеоноры жук никак не мог зацепиться.

Утром Настя первым делом бросилась к бочке и, привстав на цыпочки, заглянула внутрь. Жука там не было.

Отец последний раз фыркнул, вытер лицо и руки висевшим рядом полинявшим от многочисленных стирок и солнца полотенцем и, наконец, улыбнулся. Настя решила не упускать момент.

– Папа, давай поиграем.

– Поиграем, доча, поиграем, – отец потрепал девочку по косичкам, – только не сейчас.

– Почему не сейчас? – сразу сникла Настя.

– Гена! – позвала мама с порога. – Остынет же! Настя, не приставай к отцу. Мой руки и обедать.

– Не хочу! – Настя топнула ножкой.

– Я те дам «не хочу», – Катерина погрозила девочке пальцем. – А ну марш обедать, кому сказала!

Настя нехотя ковырялась ложкой в тарелке, раскладывая по её краям кусочки лука.

– Васька, с... – Геннадий покосился на дочку, – собака, как менеджером заделался, совсем озверел. У меня техника не выдерживает, мужики на таком пекле осоловели уже, а он одно, п... поганец: «Выгодный заказ, договор со шведами, хозяин грозился премии лишить, если не поспеем к сроку».

Он отхлебнул чай из кружки, обжёгся и всё-таки не сдержался:

– Скотина, подхалим, мать его.

Катерина сидела рядом, подперев подбородок обеими руками, и смотрела, как муж ест.

– Опять до темноты? – спросила она.

Геннадий молча кивнул.

Настя разложила по краям тарелки весь плававший в супе лук, глотнула чаю и стала вылезать из-за стола.

– Ты куда это? – удивилась Катерина. – И не съела ничего...

– Не хочу больше, – Настя выбралась, наконец, из-за стола, потопталась немного в нерешительности на месте, глядя на родителей большими грустными глазёнками, и вышла из дома.

Спускаясь по ступенькам, она краем уха успела услышать, как мать сказала вполголоса:

– Скучно ей. Таскается со своей куклой день-деньской, а соседскими так и не подружилась.

– Не порядок, – согласился отец. – Ей ведь пять, через два года в школу.

Настя не стала слушать, о чём они говорили дальше. Она забралась в самый дальний угол двора, где под тенью старой ветвистой яблони было немного прохладнее, уселась на землю, усадила перед собой куклу и, насупив совсем белёсые на загорелом личике бровки, строго произнесла:

– Я у тебя, Элеонора, одна. Мне что, на всех разорваться?

Глава

II

А ночью пичугинцев разбудила гроза.

Дождь обрушился на притихшую деревню сразу и водопадом. Крупные капли автоматной очередью колотили по крышам, стенам и окнам. Стёкла жалобно позвякивали, крыши протекали.

Уже не чаявшие облегчения пичугинцы, сонно морщась, выбирались из кроватей и, откинув занавески, старались разглядеть хоть что-нибудь. С таким же успехом можно было смотреть сквозь мутное стекло. Ветра, как ни странно, не было, но мигом намокшие занавески уже пускали ручейки на подоконники и полы.

И шлёпая босыми ногами в образовавшихся на полу лужах, люди в первый раз за последние полтора месяца наглухо закрывали в домах все окна.

Вечно брехавшие, как и полагается деревенским собакам, друзья человека, поджав хвосты, жались к сухим углам своих будок, и только разбуженные грохотом льющейся с неба воды куры кудахтали испугано и чуть слышно.

Настя слышала, как, кряхтя, поднялся отец, как прошлёпал он босыми ногами к окну, проговорил что-то, зевая, и закрыл его. Насте же подниматься нисколько не хотелось. Шум дождя убаюкивал её и что-то нашёптывал, нашёптывал, нашёптывал...

Так и не проснувшись окончательно, девочка вернулась в свой сон. В этом сне она с самого утра играла с мамой в куклы и больницу. И маме не нужно было готовить обед и мыть пол, потому что мам было две – одна хлопотала по хозяйству, а другая играла с Настей. А потом с папой они пошли купаться на речку, и папа нёс на одном плече её, а на другом Элеонору, и Элеонора очень этим гордилась. Они долго плескались в тёплой воде и грелись на песке, и снова плескались. И папе тоже не надо было спешить на работу, потому что пап тоже было два – один для работы, другой для неё, Насти.

Счастливо улыбаясь, отчего детское её личико стало ещё симпатичнее, Настя повернулась на другой бок и одними губами прошептала:

– Хочу, чтобы...

С треском сломленного дерева вонзилась в мутное небо ярко-оранжевая молния, оглушительно рухнул наземь гром, и в тот же миг дождь прекратился.

Первым из пичугинцев обнаружил неладное Санька Бобрик.

Разбуженный раскатом грома он ещё какое-то время лежал, с трудом пробиваясь разумом сквозь мутное марево бытия, и пытался сообразить, достаточно ли сильно приспичило его по нужде, чтобы ради этого стоило подниматься, или есть вероятность дотерпеть до утра.

Прикинув и так и эдак и даже с превеликим трудом перевернувшись с живота на правый бок, Санька с огорчением понял, что подвига не избежать. Прилагая невероятные усилия, он уселся-таки на мятой вонючей кровати и приоткрыл один глаз.

Тьма была беспросветна. Луну, понятное дело, скрывали облака, а ближайший к его дому фонарь (один из двух в деревне) не горел уже полгода. Отчего-то не было света и в соседских домах.

– Жжжлобы, – с трудом выговорил Санька, имея в виду и фонарь и соседей.

Саньке было паршиво. Вообще-то совсем паршиво ему должно было стать завтра утром, но раннее пробуждение приблизило эту нерадостную новость.

По жаре да на старые дрожжи, да без закуси, если не считать четыре полузрелые помидоры с огорода – две бутылки водки о себе забыть не дадут. С кем он пил и почему он пил, Санька на данный момент припомнить не мог. Да и не хотел.

–И-и-и рраз, – скомандовал он сам себе, немного раскачался и умудрился встать на ноги.

Под ногами выразительно хлюпало.

Санька потрогал штаны, в тайне надеясь, что всё уже случилось и можно рухнуть обратно. Но штаны оказались сухими.

– У, я вам, – погрозил он кому-то в темноте кулаком и принялся шарить рукой по стене в поисках выключателя.

Выключатель вскоре нашёлся и даже с хрустом щёлкнул, однако светлее от этого не стало.

– Жжлобы, – окончательно уверился в подлости мироздания Санька и, пиная пустые бутылки, раскиданные по всему дому, и периодически натываясь на углы и косяки, на ощупь поплёлся в туалет.

Как ни плох был Санька, но тот факт, что в его туалете кто-то есть, осознал сразу. Во-первых, дверь была распахнута (по крайней мере, рукой он её не нащупал), во-вторых, там журчало, и кто-то тихо матерился. Неужто заночевал кто, подумалось Саньке. Только с чего бы это...

– Эй, – тихонько позвал он, облизывая сухим языком потрескавшиеся губы, – кто ты есть, а ну, кончай ссать, пусти хозяина.

Журчание резко оборвалось, и прислонившийся к косяку Санька смутно различил, как в глубине клозета человек завозился, заворочался, потом слишком громко для больной головыбрякнули спички в коробке...

Чирк. Из темноты в мерцающем свете горящей спички выпросталось небритое, опухшее, жутковатое лицо с заплывшими маленькими глазками и кривым носом.

Лицо было знакомым. Что-то слишком уж знакомым. Санька Бобрик подался чуть вперёд, силясь признать заночевавшего собутыльника, и пьяно хихикнул.

– Во етить, да это ж я сам. Когда это я в туалете зеркало повесил?

Стараясь не упасть, он вытянул вперёд руку, намереваясь отодвинуть загораживающее проход зеркало в сторону, но вместо гладко прохладной поверхности стекла, пальцы уткнулись в колючую от многодневной щетины щёку отражения. Санька ойкнул от неожиданности и почувствовал, как чья-то рука точно также ощупывает его физиономию.

В этот момент погасла догоревшая спичка.

И в этот же момент, вложив в это дело все силы порядком подпорченного зелёным змием организма, Санька Бобрик заорал благим матом.

Причём орал он на два голоса.

Правды ради следует сказать, что предутренние тишину и умиротворение грубо нарушили не только Санькины истошные вопли.

Пока Санька надрывал голосовые связки, на окраине Пичугина грохнул выстрел, затем второй, а через пару секунд ещё два подряд, что для деревни без преувеличения явилось целым сражением.

Дело было в том, что во времена развитого социализма, незадолго до начала кампании по ликвидации неперспективных деревень, Пичугино было раза в три больше. И имелись в нём и свой сельский клуб, и своя школа с садиком, и сельмаг какой-никакой, и ремонтная база, а при базе, само собой, склад.

Заведовал складом Михаил Ильич Бурмакин, в виду перманентного дефицита всего на свете, человек крайне важный и необходимый.

За прошедшие почти четыре десятка лет ни решения партии и правительства, ни законы рыночной экономики Пичугино так и не ликвидировали. Деревня обветшала, уменьшилась размерами и населением, но выстояла.

Давно уже гнил на корню бывший сельский клуб, от сельмага остались воспоминания и лавка чэпэшника Матанцева, а школу за малочисленностью подрастающего поколения упразднили.

А вот склад остался.

Михаил Ильич, превратившийся за это время просто в Ильича, как мифический цербер продолжал охранять вверенное ему в прошлом тысячелетии имущество. То, что имущество это в массе своей давным-давно сгнило, заржавело и просто устарело морально и научно-технические, Ильича ни капли не останавливало. Не прошибали старика ни просьбы, ни откровенные насмешки, ни угрозы односельчан.

– Вот помру, тогда и разворовывайте, – веско отрезал он, угрожающе шевеля седыми топорщащимися усами. – Мне доверено, я охраняю.

В лихие годы, после того, как местные мужики, чуть не волком вывские от безденежья и безделья, пригрозили проломить ему башку, если не выдаст весь цветмет со склада, обзавёлся Ильич двустволкой. Очень похожей на те, что в мультфильмах показывают. И каждую ночь, в жару ли, в холод ли, по несколько раз обходил он свои владения. С ружьём, разумеется, обходил.

В ту злополучную ночь, здраво рассудив, что разверзшиеся вдруг хляби небесные есть хорошее прикрытие для разного рода злоумышленников, Ильич мужественно шагнул в стену дождя.

Он как раз закончил первый обход вокруг склада, когда в небе сверкнуло, громыхнуло, и дождь внезапно иссяк. Ильич стянул с головы капюшон старой штормовки, глянул наземь, прикидывая, как половчее перепрыгнуть гигантскую, всё ещё пузырившуюся лужу... и замер. Фонарик запрыгал в руке, сердце встревожено заколотилось, сознанием овладела ледяная решимость.

На земле отчётливо просматривались две цепочки следов. Одна, значит, его, а другая...

А другая, чья же?

Позарились–таки, алкаши, выругался про себя старик, ловко перехватил ружьё обеими руками, сунул фонарь подмышку, чтоб дорогу видно было, и крадучись пошёл по следам.

Очень скоро выяснилось, что ходит он по кругу. То есть вокруг склада и ходит. Следы уже не были столь отчётливыми, они перемешивались, наслаивались друг на друга, сливались, превращаясь в крохотные узорные лужицы.

Получалось, что и злоумышленник тоже ходит вокруг склада.

– Не понял, – задумчиво сказал Ильич, осматривая два здоровенных амбарных замка на воротах, – не тронуты.

Не выпуская двустволку, одной рукой он нащупал в кармане штормовки связку ключей, вытащил, помедлил секунду и осторожно, стараясь не шуметь особо, вставил ключ в нижний замок.

– Попался, сукин сын, – угрожающе просипели сзади, и Ильич почувствовал, как в спину ему упёрлось что-то небезопасное. – Ложь ружьё на землю. Ложь, кому говорю!

Ильич попробовал было обернуться, но сзади на него цыкнули и что-то знакомо щёлкнуло. Так щёлкали взводимые курки на его двустволке.

Пятью известными и всеми неизвестными ещё чувствами почуяв неладное, старик всё же дёрнулся в сторону, выронил фонарь, но ухватил ружьё за ремень и кинулся прочь со всех ног.

– Куда?! – по–звериному рыкнул неизвестный, устремляясь вдогонку. – Пристрелю, гада! Расхитители, мать вашу! Смерти моей дожидаться не можете?

Запинаясь и поскальзываясь в хлюпающей жиже, Ильич мчался к дому, к людям, ничего не говоря и не оглядываясь. Его гнал страх. Нет, не страх даже, а суеверный первобытный ужас наступал ему на пятки и дышал в затылок, разом лишив голоса и разума.

– Пресвятая богородица, спаси и помилуй, пресвятая богородица, спаси и помилуй, – одними губами, задыхаясь от бега, натужно сипел он.

– Пристрелю, гада! – ревели сзади.

Грянул выстрел.

Ильич инстинктивно пригнулся, не замедляя шага.

Ещё один выстрел.

Рядом с ухом взвизгнуло, старик отшатнулся, зацепился ногой за торчащую из земли арматуру и плашмя полетел наземь, выпустив двустволку из рук. Ружьё, нелепо кувыркаясь, с хрустом ударилось о старый кособокий тополь и дало залп сразу из двух стволов.

Распластанный в грязи, даже не протерев стёкла чудом уцелевших на лице очков, Ильич почти в обморочном состоянии наблюдал, как со стороны склада, тяжело шлёпая кирзачами по лужам и на ходу перезаряжая двустволку, к нему приближается он сам.

На другом конце деревни кто-то вопил, будто резали.

Николай проснулся от доносившихся с улицы грохота и переходящего в поросячий визг завывания. К тому же лежал он на самом краю дивана, свесив руку на пол, и край дивана больно врезался ему в бок.

– Одурели совсем, – сонно проговорил он, пытаясь перевернуться на спину. – Кто орёт-то?

Перевернуться, однако, не получилось. Лена по привычке спала, тесно прижавшись к мужу и практически его вытолкнув.

«Эх, Ленка, – немного досадливо подумал Николай, – тебе на полу стелить надо. Специально ведь диван два дня в городе выбирали. Самый широкий, раскладной, не на пружинах...»

Но потом в памяти всплыла вчерашняя сцена, и досада растаяла, уступая место другому, более физиологическому чувству. Лена, выходящая из бани, лишь чуточку укутанная в тоненькое ажурное полотенце, с мокрыми распущенными по плечам волосами. В тот миг она напомнила ему виденную ещё в школьном учебнике репродукцию картины какого-то средневекового итальянца. То ли рождение Венеры, толь рождение Афродиты... Да шут с ней, с репродукцией. Лена его и правда и фигурой, и лицом, и даже улыбкой здорово походила на нарисованную богиню.

Николай слегка потянулся, восстанавливая кровообращение.

Лена, словно прочитав мысли мужа, шумно вздохнула, прижалась ещё плотнее и, приобняв, стала гладить его по груди. Николай уже собирался повернуться к жене, как вдруг рука её замерла, потом заметалась по его груди, нащупала волосы и рывком отпрянула.

Получив коленом по почкам, Николай рухнул на пол.

– Ленка, – зашипел он, стараясь не разбудить детей, – ты чего, сбрендила совсем?

Между тем на диване происходила какая-то странная возня. Мягко шлёпнулась рядом подушка. Лена, по-видимому, встала и быстро прошла к двери, где был выключатель.

– Что случилось-то? – спросил мужской голос.

– Да тише ты, разбудишь всех, – сонно ответила Лена из... другого угла комнаты.

– Ой, Коленька, что-то мне плохо, – жалобно и, как показалось Николаю испуганно, добавила она, – похоже, перегрелась я...

– Да что же со светом? – выругался Николай. – Выключатель опять бракованный подсунули или на подстанции чего?

– На подстанции, – эхом повторил Николай, всё это время сидевший на полу, и чуть слышно добавил, – слышь, Лен, похоже я тоже того... перегрелся. Я это, я голоса слышу.

Когда, путаясь в своих и чужих руках, Николай нашёл-таки на ощупь старую керосиновую лампу и негнуцимыми пальцами зажёл фитиль, мерцающий неверный свет озарил картину, достойную кисти самого чокнутого из сюрреалистов.

На диване, кусая ногти, стояли и испугано тарасились на него безумными глазами две абсолютно одинаковые Лены.

Николай сухо сглотнул и родил глупость с большой буквы Г:

– Лен, а к тебе разве сестра приехала? А я и не знал ведь...

Рядом кто-то икнул. Только тут Николай сообразил, что лампу держит не он.

С огромным трудом, мгновенно взмокнув, он медленно повернул голову влево, после чего тихо и кратко выматерился.

Вы уже догадались, почему.

Отец Сергей проснулся от ясного ощущения чужого взгляда.

Под иконами мерцала лампадка, отчего по комнате бродили неприкаянно полупрозрачные тени, неизбежно возвращаясь на прежнее место.

Сидевшего с задумчивым видом на табурете человека он узнал сразу, но отчего-то не испугался видения, а лишь приподнялся на локте и трижды перекрестил пришельца.

Не помогло.

– Я уже пробовал, – спокойно сказал отец Сергей, – бесполезно.

– Давно сидишь?

Тот невесело улыбнулся.

– Да минут с десять будет. Прихожу, а тут ты. Сначала разбудить хотел, а потом думаю, зачем? Пусть я посплю.

– Лампадку... ты? – уточнил отец Сергей, усаживаясь в постели.

– Я. Тьма ж египетская, хоть глаз выколи. С электричеством опять что-то. Из-за грозы, я думаю.

– Ну и как тебе всё это?

Тот пожал плечами.

– Пути господни, понятное дело, неисповедимы. Так что тут либо промысел божий, либо кто-то перепутал контакты в пространственно-временном континууме. Тебя не спрашиваю, и так знаю, что думаешь.

Вообще-то до того, как стать священником, отец Сергей успел отслужить в армии и неплохо окончить один столичный политехнический. Это был один из тех редких случаев, когда вера и рассудок уживаются в человеке совершенно безболезненно и без всяких взаимных претензий.

О том, что подвигло его, молодого специалиста, податься в попы, он никогда никому не рассказывал. Как и о том, почему оказался в этакой глуши, где и прихода нормального лет восемьдесят не было, а случайно не растасканная до основания дореволюционная ещё церковь выглядела страшнее развалин бывшего сельского клуба.

В Пичугине отец Сергей обосновался лет пять назад и на удивление быстро обрёл авторитет и уважение не только среди богобоязненных старушек, но и среди всех пичугинцев. Был он не высок и не басовит, с простым, даже простодушным лицом, окаймлённым аккуратной бородкой. Неплохо разбирался в технике и строительстве. При необходимости мог и на трактор и под трактор. При необходимости и слово божие проповедовать успевал.

Церквушку восстанавливали всем миром. Кто чем может. Отец Сергей никого не упрашивал, не заставлял, не стыдил. Но если просил – отказывали редко.

– Я вот что подумал, – сказал он, придвигая табурет ближе, – вряд ли эта история только с нами приключилась. Чересчур затратно ради одного человека.

– Согласен. Весь масштаб сейчас не определить, конечно, но в деревне завтра будет твориться...

– Значит, примем как испытание.

Он тяжело поднялся, подошёл к окну, потрогал промокшие занавески, спросил:

– Слушай, а кто из нас настоящий? Как, по-твоему?

– Я, – без тени сомнения сказал отец Сергей.

Снаружи раздался выстрел. Другой.

Потом два почти одновременно.

– Началось, – словно дождавшись, сказал отец Сергей. – Одевайся, пошли. Это у склада.

Глава III

Деревню взорвало изнутри примерно через полчаса после визита Саньки Бобрика в туалет и стрельбы Ильича по самому себе.

На изнурённых многодневной жарой сонных пичугинцев разом обрушилось невозможное, невероятное, необъяснимое и самое, наверное, главное – умопомрачительное в своей дикости явление.

Явление цинично и хладнокровно выдёргивало людей из такой привычной, немного скучной, но родной нормальной обыденности, встряхивало за шиворот и ставило прямо пред лицо свое.

Ставило нагло и бесцеремонно, отчего было ещё ужаснее.

Оба отца Сергия, сами временами шарахаясь друг от друга, запалив две керосиновые лампы, перебежали от дома к дому, стараясь, насколько возможно, сгладить первое потрясение.

Интересно, как это можно грамотно описать? Во фразе: «Отец Сергий взял на себя чётную, а отец Сергий нечётную сторону деревни» – не чувствуется никакого противоречия?

Было бы, наверное, проще, случись эта оказия среди бела дня, или пробудись все пичугинцы одновременно. Но так не было, а было именно так, как происходит в обычной жизни.

Кто-то, разбуженный стрельбой и истошными воплями, проснулся раньше, других разбудили всё нарастающие шум и крики. А некоторые так и вообще спокойно спали, пока не постучался к ним отец Сергий. Или отец Сергий.

Деревню Пичугино накрыл хаос.

В домах звякало, стучало, ухало, наконец, кто-нибудь начинал кричать или материться, периодически то там, то тут заливались лаем собаки. Хлопали двери, хлюпали лужи под босыми ногами выскакивающих на волю людей, трещали заборы и лбы.

Суета и неразбериха вкупе с паникой и страхом были такие, что оба священника, и без того измочаленные физически и морально, в очередной раз столкнувшись друг с другом, переглянулись, кивнули одинаково, как бесконечность в зеркалах, и пошлёпали прочь в сторону церкви.

Только часам к пяти утра стал понемногу рассеиваться мрак в мире и головах. Не то, чтобы это принесло облегчение, но деревня затихла и лишь продолжала почти неслышно гудеть и шевелиться, напоминая до смерти запуганное огромное животное.

На смену ужасу пришло отупение, правда, в дома почти никто возвращаться не торопился. Поёживаясь от послегрозовой утренней прохлады, пичугинцы небольшими кучками толпились возле калиток, стараясь держаться ближе к соседям, а не к своим двойникам, и пришибленно вполголоса перебрасывались короткими фразами.

Периодически у кого-нибудь сдавали нервы, и он начинал голосить, но на него тут же цыкали, и глас вопиющего тонул в сдержанном напряжении притихшей деревни.

Никогда ещё за всю историю существования Пичугина односельчане не встречали рассвет все вместе.

Встретили.

Первые лучи совершенно беззастенчиво и беспардонно радостно брызнули по мокрым верхушкам деревьев, заиграли, словно ощупывая подсыхающую землю, скользнули отсветом по землистым лицам людей и, наконец, вытянули светлое, чистое, такое долгожданное солнышко.

– Так это, – сказал кто-то немного хриплым голосом, – мужики, чего делать-то будем? Я в том смысле, что делать ведь чего-то надо.

Негромко, стараясь не нарушить хрупкое умиротворение, звякнул церковный колокол.

– Ну вот, – уже спокойнее сказал тот же голос только из соседнего двора, – я и говорю. Так пошли, что ли?

Всё ещё ёжась и опасливо косясь друг на друга, пичугинцы медленно стекались к церквушке, на недавно слаженной деревянной колокольне которой, виднелась фигура отца Сергия.

– А чего думать? Драпать надо отсюда, – нервно дёргая ногой и суетливо затягиваясь, сказал Жора, – мало вам, что ли?

– Ишь ты, драпать он собрался, – неодобрительно протянул Ильич. – Это тебе, голоштанная команда, драпать можно, куда угодно, а у меня, – он кашлянул, бросив быстрый взгляд на сидящее чуть поодаль собственное отражение, но твёрдо повторил, – а у меня ответственность, между прочим.

– Да кому она, к лешему, нужна, твоя ответственность, – скривился Жора, прикуривая у самого себя. – Хотя мне–то что? Оставайся. А по мне, так драпать надо.

– Ильич прав, – спокойно проговорил Геннадий, – как мы отсюда уедем? И вообще, кто отсюда уедет? Я или вон тот я? Это мой дом, моя семья... и вообще. Прав я? – бросил он словно в пустоту, ни на кого конкретно не глядя.

– Само собой, – ответил за всех другой Геннадий.

Мужики молча покивали, соглашаясь с бригадиром.

Странная это была компания. Как конкурс двойников или фестиваль близнецов. Только вот особой радости и фееричности что-то не наблюдалось.

Но человек привык приспосабливаться к любым обстоятельствам, и жизнь постепенно брала своё.

Как-то само собой вышло, что все женщины в деревне, втихомолку охая и переговариваясь, разбрелись по домам и занялись тем, чем обычно и занимались ранним утром. И в этой рутинности ежедневных действий приходило к ним облегчение и упрощение того, что разум принимать отказывался категорически.

А мужики остались. Курили, кумекали, сидя вразнобой на сваленных штабелями у церкви досках.

– В леспромхозе смена началась, – глянув на часы, напомнил Алексей, – а наших никого. Ругаются, наверное.

Оба Михаила, как по команде хлопнули себя по лбу, смущённо переглянулись.

– Зараза, – сказал один из них, – я же вчера трактор под честное слово у бригадира выпросил, брёвна для бани перевезти хотел. Убьёт меня Потапенко, точно убьёт.

– Зря ты так, – попытался успокоить его Алексей, – убить не убьёт, а вот премии лишит точно, к гадалке не ходи. Вот у меня хуже. Сегодня линию новую запускать должны, а инженера нет. Инженер тут сидит, и в глазах у него двоится.

Мужики сдержано улыбнулись.

– Чего–то не понимаю я вас, – заговорил, как всегда торопливо и придыханием Матанцев, – чего вы тут картину маслом «Витязь на распутье» устроили? Как малые дети, ей-богу.

– Нет, Жора, конечно, кипишует, драпать никуда не надо, – продолжил он же, неловко спрыгивая с досок, отчего брюшко пару раз колыхнулось под ярко синей футболкой, – но и тут репу чесать тоже толку никакого. К людям надо пробираться, к цивилизации, так сказать. Объяснить, что да как, пусть разбираются.

– А сам чего не едешь? – исподлобья глянув на ближайшего чэпэшника, спросил Геннадий. – У тебя и уазик свой.

Матанцев шмыгнул носом, переглянулся.

– Да там такое дело, – сказал тот, что был поодаль, – с аккумулятором что-то. Или со стартером. Подсобили бы, а?

– Так вас же двое, – картинно всплеснул руками Михаил, – вот и подсобите друг другу.

Мужики не сдержались, прыснули. Жоры загоготали.

Матанцевы обиженно и синхронно засопели.

Мелкого чэпэшника Семёна Матанцева в деревне откровенно недолюбливали, но терпели.

Пока он не открыл свою продуктовую лавку в купленном на бесценок и наспех подлатанном заброшенном доме, за продуктами и всем необходимым приходилось ездить в ближайший магазин в Бадяево. А это как–никак вёрст десять с гаком. Невелико расстояние для российских просторов, а всё равно неудобно.

Матанцев же нарисовался здесь года три назад, помахал бумагой из поссовета и торжественно, так что на следующий день полдеревни мучилось похмельем, открыл, по его заявлению, новую торговую точку. Щедрость чэпэшника ограничилась днём открытия лавки. Цены там были выше, чем в Бадяево, а ассортимент наводил на определённые размышления.

Впрочем, для не избалованных благами цивилизации пичугинцев и это было манной небесной. Водка, пиво, иногда вино, всякая там бытовая химия, канцтовары, гвозди и прочие стройматериалы по мелочам. Ну, и продукты, разумеется. Чего ещё надо?

Правда, водка, особенно последнее время, всё чаще была палёная, а на большинстве продовольственных товаров очень уж нарочито не читался срок годности. Но эти пустяки мало кого всерьёз волновали.

Товары для лавки Матанцев всегда привозил сам. Его потрёпанный, но ходкий уазик появлялся в Пичугине раз, реже два в неделю. Сам себе хозяин, сам себе извозчик.

В его отсутствие лавкой заправляла Генриетта. Дородная молодая женщина, своим макияжем к делу и не к делу демонстрировавшая социально-классовую обособленность от деревенских.

Матанцев привёз её в деревню с год как, и жила она тут же, при лавке.

В деревне поговаривали, что привёз из города.

Сама Генриетта эту версию не то, чтоб подтверждала, но при каждом удобном случае пестовала. А ещё в деревне поговаривали, что у них с Матанцевым роман, и что, задерживаясь здесь, якобы, по делам на пару дней, Семён Ефимыч ночует точно не на коврике в прихожей. А ещё в деревне поговаривали, что у Матанцева таких Генриетт по одной на каждую его торговую точку. Да мало ли о чём поговаривали в деревне...

– Ладно, я вот что предлагаю, – Алексей вышел вперёд. – Логика в словах Матанцева есть. Не век же нам здесь куковать, надо в контору сообщить, да и до посёлка добраться.

– Ага, – ухмыляясь, перебил его Жора, – ясно вижу себе картину: здасьте, у меня тут вдруг брат-близнец появился. Не знаете, отчего бы это? А вообще, у нас в деревне демократический взрыв произошёл, удвоение личности, блин!

– Демографический, – хором сказали оба отца Сергия, – взрыв демографический.

– Чего? – не понял Жора. – Да какая хрен разница?

С глухим шлепком Михаил несильно, но ощутимо треснул ближайшего Жору по затылку. Тот ойкнул, сверкнул глазами, но замолк.

Геннадий оглядел всех присутствующих, прикинул что-то в уме, решительно поднялся.

– Тогда так. Поделится. Э... Ну, например, ты, ты и ты, – он поочерёдно ткнул кривоватым пальцем в одного Михаила, одного Алексея и одного Матанцева, – берите трактор и в контору.

– Секундочку, – запротестовал Матанцев, которого не выделил указующий перст, – на каком основании меня? Я здесь оставаться не намерен, если он, то и я, знаете ли.

Геннадий, молчавший до этого, подошёл к чэпэшнику вплотную, многозначительно заглянул в глаза и объяснил:

– А на том, что являться туда в двойном экземпляре не стоит. Пока.

Вышло убедительно.

– А мы в таком случае в Бадяево рванём, – подхватил Алексей, – тем же составом, я полагаю. Гена, мотоцикл одолжишь?

– Ну да, – язвительно вставил Жора, – драпать они, значит, не хотели, а сами в разные стороны! А Жора тут оставайся, Жора на себя и этот зоопарк любуйся? Не покатит, я с вами.

– Да не вопрос, – легко согласился Алексей, – а вы, отец Сергей?

Священник улыбнулся.

– Мы здесь останемся, – сказал он, – мало ли что.

– Ой, мужики! Ой, обоссусь щас! – заржал Жора, тыча пальцем в сторону пустой улицы. – Эти-то, эти-то! Гляньте-ка на них!

Улица была не пуста.

По улице, кажется даже сгибаясь под тяжестью собственных телес, грузно шагали близнецы Славик и Федя.

И было их четверо.

Глава

IV

Говорят, чуть ли не до начала тридцатых пичугинцы жили практически сами по себе.

Основанная, если верить очень увлечённому своим делом сотруднику городского краеведческого музея, аж в пятнадцатом веке, деревня располагалась как бы на острове. С трёх сторон её обступали непролазные топи, причём такие, что даже сами пичугинцы редко заходили в лес дальше одной версты. А с четвёртой деревушку отрезала от остального мира делавшая здесь поворот на восток река Пичуга. Она отрезала, она же и связывала.

Обособленность эта пичугинцев, очевидно, ни капли не смущала, раз деревня худо-бедно дожила до начала двадцатого столетия, не особо интересуясь делами большой земли. В своё время числилась она за помещиком Бадяевым, но про барщину, оброк, барское самодурство и прочие атрибуты крепостной зависимости пичугинцы разве что слыхивали.

О том, что далеко на востоке бесславно отгремела русско-японская война, в деревне узнали в первый год империалистической. А о том, что империи боле не существует, царя-батюшку свергли и доконали, и в стране новая власть – так и вообще в середине двадцатых.

Новость эта потрясла умы нелюбопытных пичугинцев, когда вместо усопшего батюшки появился в деревне не новый священник, а совершенно посторонний и какой-то чудной мужик. Мужик этот назвался... Вообще-то, никто не помнит, как он назвался, но представился странно – двадцатипяти тысячником. И речи у него были странные, вроде по-русски говорил, а непонятно выходило. Послушали мужики с бабами про коммунизм, колхоз и партию, послушали, накормили пришельца, в баньке попарили, да и решили: блаженный, мол, ежели хочет, пусть остаётся.

Но блаженный отчего-то стал кричать, грозить кулаком и мировым пролетариатом, здорово надоел и был бит. Несильно, с пониманием.

Потом мужик пропал. Судя по отсутствию на привычном месте одной из лодок, на которых селяне по необходимости плавали на большую землю, в Бадяево, вернулся домой. Хозяин-барин, казак вольный, не особо тужа, решили они и ошиблись.

Через неделю в деревне появился отряд вооружённых людей с суровым и непреклонным товарищем во главе. Мужиков согнали в церковь и объявили, что с этого момента они все добровольно вступают в колхоз «Красный Октябрь». А кто окажется несознательным, то есть...

Впрочем, зачем снова об этом?

Страница сия столько раз уже написана, переписана, раскрашена и приукрашена, что ещё одна строчка под названием Пичугино вряд ли привнесёт что-то новое.

Нет, пичугинцев не записали поголовно во враги народа. Нет, не раскулачивали их семьями и не ссылали в края далёкие.

Не было ни страшной трагедии на этой земле, ни абсурдной комедии. Была жизнь. В чём-то совершенно новая, но в глубинной сути своей, наверное, такая же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.